

## ДРЕВНЕТЮРКСКОЕ ВЕРХОВНОЕ БОЖЕСТВО ТЕНГРИ (ТЕЙРИ) В КАРАЧАЕ И БАЛКАРИИ

Общеизвестно, что выявление и анализ специфических черт религиозных верований и обрядных действий, в которых устойчиво сохраняются или же прослеживаются пережиточные явления духовной культуры, играет важную роль в изучении вопросов этнокультурных и этногенетических связей.

Выявление степени и характера переживания карачаевцами древнетюркского верховного божества Тейри представляется весьма плодотворным при аргументации ряда многочисленных гипотез происхождения карачаевцев и балкарцев.<sup>1</sup>

В своем историческом развитии, как свидетельствуют различные источники, верования карачаевцев и балкарцев подвергались влиянию различных религиозных представлений: первобытного язычества, средневекового христианства, иудаизма и мусульманства. При анализе древних верований карачаевцев и балкарцев Л. И. Лавров отчетливо и глубоко аргументировано выделяет несколько пластов: древнетюркский, аланский и кавказский.<sup>2</sup> О характере некоторых доисламских верований карачаевцев и балкарцев дают представления отдельные письменные известия XVII—XVIII вв. и многочисленные пережитки, бытовавшие в Карачае в недавнем прошлом. Впервые этнографические сведения, связанные с переживанием культа древнетюркского верховного божества Тейри среди карачаевцев, были отмечены в начале XIX в. Ю. Клапротом. Он писал, что «балкары и карачаевцы почитают бога, именуемого не аллахом, а Тенгри в качестве подателя всякого добра».<sup>3</sup>

С тех пор среди исследователей проблемы происхождения карачаевцев и балкарцев ни у кого не вызывает сомнения, что устойчивое сохранение в этнографической действительности этих народов столь характерного общетюркского феномена лишней раз служит подтверждением того, что они являются наследниками раннесредневековых тюркских племен. Споры ведутся лишь об удельном весе местного кавказского и аланского субстратов в формировании карачаево-балкарского этноса. Совершенно очевидно, что фольклорно-этнографический материал, собранный нами, призван всего-лишь подчеркнуть глубокую историческую связь карачаево-балкарского этноса с древнетюркской средой, но никак не может дать ответа об их подоснове, т. к. пока мы не располагаем исторически достаточно обоснованным материалом, чтобы с полным правом возводить слово Тейри к Тенгри того или иного древнетюркского этноса. Здесь мы ограничимся констатацией общезвестного факта возведения названия божества Тейри к широкому кругу древнетюркского и монгольского наименования Тенгри в смысле «небо» и «бог».

Известно, что впервые прочесть это слово в орхонских рунических текстах удалось М. Томсену. При этом он констатировал, что это слово, известное и тюркским и монгольским языкам, обозначает «бог», «небо»<sup>4</sup>.

Другой известный тюрколог В. В. Радлов собрал и опубликовал многочисленные варианты этого слова на разных тюркских языках, в том числе и варианты рунических орхонских надписей. Как видно из словаря В. Радлова, «Тенгри» являлся верховным божеством у всех тюркских народов, которые обитали в домонгольское время на обширной территории Средней Азии, Алтая и Монголии<sup>5</sup>.

Видный советский историк М. И. Артамонов, ссылаясь на «Историю» Феофилакта Симокатты (VII в), дает следующую характеристику религии тюркоязычных племен: «Тюрки превыше всего чтут огонь, почитают воздух и воду, поют гимны земле, поклоняются же единственно тому, кто создал небо и землю, и называют его богом»<sup>6</sup>.

Источники отмечают, что в прошлом в древнетюркской среде титул Тенгри бытовал в значении слов «бог» (небожитель) и «небо» и «высшие миры»<sup>7</sup>. Сходная ситуация складывается и при рассмотрении северо-кавказского материала. Как и на обширной территории Центральной и Восточной Азии, т. е. в той среде, в которой происходило формирование древнетюркских племен, почитание неба и соответствующие мо-

ления и жертвоприношения были характерны как среди ранних, так и среди поздних тюрков Кавказа. Так, упомянутый нами исследователь М. И Артамонов, рассказывая о религии хуннов и булгар отмечает, что у них особым почитанием «пользовался бог Тенгри хан, которого они представляли в образе героя исполина, и что «этот бог соответствует — вкладке неба Тенгри, известному еще у гуннов и тюркютов, и явно занесен на Кавказ теми или другими пришельцами из Азии»<sup>8</sup>.

Армянский историк X века М. Каланкатуйский, говоря о заключении военного союза между «гуннскими» племенами Северного Кавказа, замечает, что они скрепляли этот союз клятвой по закону неба»<sup>9</sup>. Он же рассказывает, что именно гунны, почитая небо, «приносили в жертву жареных лошадей, какому-то чудовищу, громадному герою, называя его богом «Тангри-Ханом»<sup>10</sup>.

Это свидетельство полностью согласуется со сведениями древнетюркских источников о почитании гуннскими племенами «бога неба» Кок-Тенгри<sup>11</sup>. Точно также, упоминавшиеся в источниках II—X вв. немногочисленные народы-савиры, гунны и другие тюркоязычные племена, обитавшие около «кавказских гор», в первую очередь почитали «бога Тегрихана»<sup>12</sup>, *god Tangri*<sup>13</sup>.

Ссылаясь на работу В. Д. Каховского (Происхождение Чувашского народа. Чебоксары, 1965, с. 285), который полагает, что Тенгри был верховным богом болгар и савир, Е. П. Алексеева допускает возможность занесения на Северный Кавказ, культа Тенгри болгарами<sup>14</sup>.

Источники более позднего времени культ Тенгри отмечают среди кимаков (X—XI вв) и их западных соседей-половцев (куманов) — XIII—XIV вв<sup>15</sup>. Среди современных народов Монголии, бурят и юго-восточных тувинцев и по сей день небо именуется Тенгри<sup>16</sup>. По свидетельству Л. Гумилева, «обряд принесения жертвы небу (т. е. «духу неба» — Тенгри — И. Ш.) был зафиксирован даже в конце XIX в. у качинцев»<sup>17</sup>.

Как отмечает Ц. Номинханов, исследователь тюркских и калмыцких лексических соответствий, в современном калмыцком языке Тенгри сохраняет свое древнее значение — «небо» божество, небеса<sup>18</sup>. В значении «бог» употребляется слово «танри» (таньры, теньри, тенори) в современном каранмском языке, сохраняющем как и карачаево-балкарский, особенности таких древних тюркских языков, как хуннский, булгаро-хазарский, кипчакско-половецкий<sup>19</sup>.

Культ Тенгри (неба, небожителя) у древних тюрков был

настолько устойчив, что несмотря на усиленную проповедническую деятельность различного рода миссионеров, а также миграционные волны древняя религия — язычество с культом Тенгри продолжала сохраняться среди различных представителей тюркоязычного этноса.

Так, например, исследователи древних болгар полагают, что проникновение христианства в их среду связано со временем пребывания болгарских племен на Северном Кавказе (нач. VI в), но культ вождя-владыки (хана) неба и земли — Тенгри (Тенгри-хана) устойчиво сохранялось и после переселения Великой Булгарии на Дунай<sup>20</sup>. Так например, в древнеболгарской надписи хана Омуртага есть упоминание верховного божества в форме Тангра<sup>21</sup>.

Советский археолог С. А. Плетнева, всесторонне исследовавшая кочевников южно-русских степей, отмечает, что к концу VIII в., когда в Хазарии появилась необходимость замены разнородных языческих культов всеобщей государственной религией, хазарские правители «прежде всего попытались внедрить культ единого бога неба — Тенгри хана»<sup>22</sup>.

Устойчивость бытования высшего божества среди всех известных нам ранее феодальных тюркских государств (у гуннов<sup>23</sup>, болгар, хазар, позже половцев) обусловил переживание культа Тейри (Тенгри) и среди карачаевцев и балкарцев.

«В жизни и смерти человека волен один Тейри, — так часто говорят карачаевцы»<sup>24</sup>, — замечает Н. С. Иваненков в начале нынешнего столетия. Знаток карачаевского быта Г. Ф. Чурсин, выступая на I тюркологическом съезде (Баку, 1926 г.) подчеркивал, что представление Тейри, хорошо известное древним и средневековым тюркам Средней Азии, Алтая и Монголии, на Кавказе бытует только среди карачаевцев и балкарцев<sup>25</sup>.

Исследователь-кавказовед Л. И. Лавров в 1936 году зафиксировал культ Тейри среди балкарцев. Причем, обнаружив его следы среди других народов Кавказа, Л. И. Лавров пришел к твердому убеждению, что карачаевцы и балкарцы по своему происхождению восходят к тюркам, обитавшим на Северном Кавказе до нашествия монголов — кипчакам<sup>26</sup>.

Неоднократно возвращаясь к конкретизации кипчакской подосновы карачаевцев и балкарцев, Л. И. Лавров, а затем Х. О. Лайпанов, Я. А. Федоров и Е. Н. Студенецкая сохранили культ верховного существа Тейри у карачаевцев и

балкарцев рассматривают как унаследованное от половцев. Именно этот факт служит для них наиболее весомым аргументом в защите кипчакской (половецкой) этногенетической гипотезы<sup>27</sup>.

Этнографический материал, собранный нами, всецело подтверждает тот факт, что карачаево-балкарское представление о Тейри наделяется теми же качествами и свойствами, что и древнетюркское Тенгри — это божество всех божеств, источник и податель добра и радостей, вершитель судьбы людей. Это владыка земли и неба. Будучи наиболее архаичным божеством, как верно замечает Ф. А. Урусбиева, оно «не получило ни зооморфного, ни антропоморфного облика и наделено универсальными космическими функциями»<sup>28</sup>. Точно также высшее божество древних тюрков «характеризуется как невидимое и не участвующее в повседневных обыденных событиях жизни человека»<sup>29</sup>.

Как и у древних тюркоязычных предков в сохранившихся до наших дней народных преданиях, песнях, здравницах-алгышах карачаевцев и балкарцев имя Тейри выступает как «творец и податель добра и блага»<sup>30</sup>.

Содержание понятия Тейри у карачаевцев аналогично древним тюркам, т. е. культ неба переплетается и даже сливается, составляя одно единое целое с культом земли: «Кек Тейрис (Тейри неба) «джер Тейри» (Тейри земли). Нераздельность божеств неба и земли ясно вырисовывается в «Плаче по убитому молнией», где Тейри выступает в стихии добра «джер тейри» (тейри земли), противопоставляемого злему божеству «кек тейри» (тейри неба)<sup>31</sup>.

Джер тейриси сени арлу кёргенди...  
«Кек Тейриси сени эрши кёргенди,  
Небесный Тейри не возлюбил тебя,  
Земной Тейри тебя полюбил...

А в «Плаче по убитому» параллельно участвуют несколько божеств — Суу Тейриси (Тейри воды), покровитель воды суу анасы (мать воды), выступающие как носители злоключения и носитель добра — Тейри земли (джер Тейриси), выступающий как более могущественный герой<sup>32</sup>.

В некоторых фольклорных текстах Тейри представлено как универсальное существо:

Тейри! Халал Тейри!  
Сен отда, сен сууда,  
Сен тауда, тызде,  
Сен кекде, джерде,  
Сен онгда, солда.

Тейри, Милостивый Тейри!  
Ты — в огне, ты — в реке (воде),  
Ты — в горах и на равнине,  
Ты — на небе и на земле,  
Ты — справа и слева.

Тейри существо — вездесущее, всемогущее, всему начало. Поэтому-то так много сохранилось заклинаний, молитвенных формул, проклятий, связанных с именем Тейри. И среди них особое место занимает здравница «алгыш» — благопожелание, возникшее, как верно замечено А. И. Караевой, в языческой древности как гимн богу Тейри — верховному боже-  
ству<sup>33</sup>.

Тейри онг айландырсын,  
Тейри джал барсын (онг джюрютсын)  
Игиликни бери этсин,  
Аманлыкны кери этсин<sup>34</sup>.

Пусть Тейри проявит благосклонность,  
Пусть (он) блага дарует,  
Пусть Тейри даст благополучие,  
Пусть (он) от зла (несчастья) избавит...!

Возникнув на заре языческого миропонимания как главная здравница — благопожелание, алгыш впоследствии мало изменил свое основное целеназначение; не утратив своего верховного героя с его именем продолжает обслуживать семейную обрядность карачаевцев и балкарцев:

Кесибиз суйген кибик  
тейри этсин...  
Бу эки адамны кеслери суйген кибик  
тейри этсин...

(этих двух молодых людей) пусть осчастливит тейри на столько, сколько мы их любим, пусть тейри сделает такими, какими они себе хотят пожелать) — такова обычная концовка благопожелания молодой чете<sup>35</sup>.

После произношения слов здравницы-гимна отправлялись на священное дело древние охотники. Обычно их благословляли напутственными словами умудренные старцы. Они же,

произносятся слова древней здравницы (алгыш), первыми поздравляют с чашей бузы в руках молодую семью.

Имя Тейри призывали в проклятиях, при заклинаниях, клятвенных заверениях и обычных благожеланиях. Так, и в настоящее время в быту карачаевцев и балкарцев существуют такие клятвенные формулировки и заклинания, как «Тейри бла ант этеме» (клянусь (присягаю) именем тейри), «Тейри адамы» клянусь, дословно: тейри-человек), «Тейри, адамыча» («Тейри, по-человечески»), «Былайчыкъда ды, тейри адамы»<sup>37</sup> (Вдесь, недалеко, честное слово (клянусь).

«Тейри де!» (Скажи, тейри), т. е. подтверди именем, честью Тейри. Другая клятвенная сторона — обычно произносит одно лишь имя «Тейри». Если же не требуется клятвенного заверения в правильности чего-либо, то говорят: «Тейри, керти айтама». (Тейри (клянусь), правду говорю).

Если же хотят заклясть злопожелание, то используют такие формулировки, как Тейри урсун (Пусть накажет (ударит Тейри), «Тейри онгдурмасын» (чтобы Тейри не благословил тебя). В очень хорошем ходу архаические формулы благопожелания «Тейри, онг берсин» (Да принесет тейри удачи)<sup>38</sup>, «Тейри берсиң ол насыбны» (Да подаст это благо Тейри)<sup>39</sup>.

Заметим, что клятвенная формула с именем Тейри имеет одну особенность: у карачаевцев в отличие от балкарцев ее употребляют предстатели только мужского пола, а проклятия, состоящие из слов с именем Тейри, являются характерными формулами для женского пола.

В наши дни наряду с именем Тейри параллельно бытует и мусульманская формула: «аллах бла ант этериме» (Клянусь аллахом), «Тейри, табсыз хапар айтды» (клянусь, поведал неприглядную весть), тоже самое «Аллах, аллах, табсыз хапар айтдында» (аллах, аллах поведал же ты неприятную весть).

На нашу многократную попытку выявить разницу в использовании имени Тейри и аллаха, наши осведомители обычно говорят, что тейри один из 99 эпитетов аллаха. Они же заявляют, что в прошлом через заклинания именем тейри карачаевцы якобы пытались достигнуть желаемого. В подтверждение приводят следующий текст заклинания (заговора) недуга людей, и домашних животных (тюкюрген адет):<sup>40</sup>

Акъ къойну башы,  
Къара къойну башы,  
Къалтыраукъ чёб башы —

Барындан да тейри ашхы,  
Сен муну ауруундан сакъла!

Белой овцы голова,  
Черной овцы голова,  
Дрожащая верхушка злака  
Тейри всех милей (всем хорош) —  
Сохрани его от недугов.

Магическая сила заклинания очевидна: именно слово Тейри, а не словосочетания, придают «силу» обряду, т. к. именно образу Тейри-богу, герою приписывается чудодейственная сила, величие и удачи.

В народных космогонических знаниях карачаевцев и балкарцев наряду с понятиями «солнце» (кюн) и «луна» (ай), «свет луны и солнца» (айны, кюнню джарыгы) и по сей день бытуют выражения «Тейри джарыгы» (свет тейри), «тейри белгиси бла» (Заря тейри), которые обозначают утреннюю и вечернюю, зарю. Тюрколог Х. И. Суюнчев, хотя и находит ограниченный круг выражений со словом тейри, но в данном словосочетании считает, что сохраняется наиболее древний оттенок своего значения «небо»: «небесный свет, божий свет». <sup>41</sup>

Термин народного календаря «Тейри джарыкъ» в смысле «свет неба» используется в современной художественной литературе. Например, в первом карачаевском романе «Черный сундук» Х. Аппаева говорится, что «Силуэт Канамата промелькнул на фоне света тейри (неба)» <sup>42</sup> То же самое выражение встречается во всех современных изданиях карачаевской литературы: К. Коркмазов «Нож горда», <sup>43</sup> Х. Байрамукова «Чолпан» <sup>44</sup> и т. д. Следует заметить, что в художественной литературе, как бы продолжая традиции фольклора Тейри, довольно часто употребляется в своем широком значении — в смысле верховного божества. Так, в поэме «В горах Карачая» Азрета Семенова находим следующие строки:

«Тейри ары деб, мени бери деб

Джаны тартыб, ол келгинчи къой мени», — деб, ариу  
айтыб, аджал мени, мен да сени сакълай — сакълай,  
бюгечеге джетди заман» <sup>45</sup>

В прежнее время в Карачае и Балкарии, как и во многих местах Кавказа и сопредельных земледельческих районах, во время засухи устраивались коллективные моления вызывания

дождя, имевшие чисто магический характер. В сохранившихся до наших дней отрывках текстов заклинания имя Тейри выступает как распорядитель воды, хозяин земли и неба.

«Боз тубанла, чачакъ тубанла,  
Суулагъа киригиз, тубанла.  
Чыкъчыгъыз, суулагъа кириб,  
Силкинигиз джитилеге миниб.

Ой Уллу Тейри, хан Тейри!  
Булутланы ий, Тейри,  
Джауумланы джаудур, Тейри,

Сабанларынг болсунла мал бизге,  
Кёз тиймесин джер иесинде бизге...

Серые туманы, лохматые туманы,  
Окунитесь, тучи-туманы, в реки (воды),  
Напившись воды, тучи встряхнитесь  
с острых вершин,  
Ой великий Тейри, хан Тейри!

Ниспошли нам тучи, тейри,  
Дожди ниспошли, тейри,  
Да насытятся табуны дюдюор-лошадей, Тейри,  
Пусть сабаны (пашни) нальются богатым зерном  
И спаси нас от дурного глаза...

А в песне молитве-бесплодных женщин, обращенных к покровителю деторождения Байрым (матери Марии), «богоматерь» выступает распорядителем дождя.

Но для того, чтобы магически воздействовать на божество плодородия, бездетные женщины, явившись к «священному дереву» и принося умиловительные и благодарственные жертвоприношения, сравнивают его с именем бога Тейри.

«Байрым-княгиня, дарительница добра<sup>46</sup>,  
Наделяющая землю дождем, а мужчину силой,  
Верю в твою божественную силу  
(Сени тейрилигинге ийнаныбма).

И эта вера освещает меня». — так говорили бесплодные женщины, посещавшие неприкосновенное («священное») одинокое дерево в Хурзуке — «Джангыз терек», которому приписывалось управление силами природы, и с которым были связаны представления о Тейри и Байрыме. Как и в религи-

озных представлениях гуннов, здесь мы, вероятно можем говорить о связи между почитаемыми деревьями и образом бога Тейри.<sup>47</sup>

Связь карачаевского Тейри с небом и солнцем (его солярное происхождение) довольно ясно выступает в поверье, связанное с периодом летнего солнцестояния. Согласно существующему поверью, в этот период времени, если Тейри смилостивится дать кому-либо из праведных людей счастье, то последний становится очевидцем «ночи открытия дверей Тейри» (Тейри эшиги ачылган кече). Если при виде этого явления человек сумеет высказать какое-либо желание, то просьба его якобы непременно исполняется.<sup>48</sup>

Аналогичное поверье, бытующее у абхазцев, описано Г. Ф. Чурсиным, который отмечает, что «поверье относительно того, что небо разверзается и высказанные в то время желания исполняются, известно многим народам Азии и Европы — всем картвельским народам, азербайджанцам, карачаевцам, аварцам, армянам, осетинам, персам, чувашам, румынам, сербам и т. д.»<sup>49</sup> Но, в отличие от других народов, у карачаевцев и балкарцев поверье связано с представлением о Тейри как о боге неба и света.

«Божеские двери» (двери Тейри) упоминаются и в старинной карачаевской песне «Къаншаубий», имеющей прямые сюжетные параллели у кабардинцев-черкесов, и в современной песне, повествующей о социалистических преобразованиях:

«Бизге Тейри эшиги ачылды,  
Хурмет бизге чачылды...»

Нам открылись двери Тейри, и все блага нам рассыпались..., — поется в песне «Новая жизнь».

Г. Ф. Чурсиным первым также было замечено, что радугу карачаевцы называют не иначе, как «саблей Тейри» (Тейри кылыч). Легенда, записанная Г. Чурсиным, гласит, что согласно космогоническим воззрениям карачаевцев, если женщина перепрыгнет через «Тейри кылыч», то она якобы, превратится в мужчину.<sup>50</sup>

Современный балкарский фольклорист А. И. Холаев также отмечает, что «балкарцы и карачаевцы и ныне называют радугу «Тейри кылыч».<sup>51</sup> Подтверждением сказанного служит балкарский вариант «нартовского выражения»: Тейри кылыч-кибик, не ариуса (Красивый (красивая) словно радуга-меч Тейри).<sup>52</sup>

Будучи верховным божеством, Тейри в ряде случаев властно вторгается в волеизъявления некоторых божеств, находящихся на иерархической ступени меньшего почета. Трагическая история легендарного охотника Бийнегера связана с «проклятием» красавицы Фатимы, дочери божества охоты и дичи — Апсаты.

За то, что ненасытный Бийнегер уничтожил много дичи, дочь Апсаты, покровительствуемая не только божеством-матерью, но и Тейри, погубила жизнь охотника.<sup>53</sup>

Традиция поклонения богу Тейри у карачаевцев и балкарцев нашла свое отражение и в таких формулах, как: «Эки тели бир болсала Тейри заугъун (кююн) кёрюрле» (Если два глупца сойдутся, то они увидят день Тейри, т. е. будут блаженны) или «Эки тели бир болсала Тейри экиги ачылыр» (Если два дурака сойдутся, то для них раскроются двери Тейри, т. е. они будут безмерно счастливыми).

«Эл ашагъаң эмегенден, эл тейриси кючлюдю» (Тейри селения сильнее дракона (эмегена), пожирающего селение). Пословица эта обычно употребляется для характеристики человека, который пользуясь своим положением, действует в ущерб обществу, коллективу.

Фразеологические сочетания: «Джарлыгъа тейри эшик ачылса, мал татымаз» (Если перед бедняком раскроются двери Тейри, то ему не насытиться. «Тейри бла тамада кирди» (Тейри и тамада одно и то же, т. е. власть: тамады (старшего, главы) равносильна власти Тейри) емко характеризуют далекую патриархальную жизнь горцев. Интересно и следующее выражение из скотоводческого быта «Мал тейриси — адамды» (Тейри для скотины — человек).

Следы культа неба как сферы обитания верховного божества можно проследить и в следующих фразеологизмах-поговорках: «Кётени кёк тейриге сыйынмайды» (Высокомерие не уменьшается (не подчиняется) небесному Тейри); «Тели кьоркьканны Тейри урур». (Безрассудно струсившего накажет Тейри); «Тейри бир джауар, терек эки джауар» (Тейри (небо) навалит осадков один раз, а с дерева посыпится дважды), «Маллы бокъну Тейри урду, малсыз бокъльа кюн тууду» (Скотовладельца наказал Тейри, а для не имеющего скота засияло солнце). Так обыкновенно говорили скотоводы во время зимних или ранневесенних непогожих дней. Во всех этих словосочетаниях Тейри выступает в виде синтеза всех астральных представлений карачаевцев и балкарцев. А фразеологическое сочетание «Гитче Тейри кьар

джауар» (Идет снег — малый Тейри) служит отражением давней этнокультурной связи карачаевцев и балкарцев с древнетюркской мифологией.

Имя Тейри отражается и в загадках. Например, в загадке о деревянной лопате говорится: «Бир заманда терек эдим, сау элге керек эдим, Тейри урду да туар бокъгъа джыкъды» (некогда был деревом, нужным всему селению, рассердился (ударил) Тейри и повалил на коровий навоз).

Несколько ослабленной обрядовая сторона выступает во фразеологизмах типа — «Хо, Тейри» (клятвенное утверждение чего-нибудь), «огъай, тейри» (категорический отказ в смысле нет, ей богу), «Къайдам тейри» (сомнительное утверждение, требующее проверки), «Тейри барыrsa» (Тейри, пойдёшь) и т. д.

Определенный интерес представляют ономастические и топонимистические термины со словом Тейри. Так, в Карачае, в ущелье Худес урочище носит название «Тейри» (къул) тюбю», там же имеется «Тейри къол» (ущелье Тейри, букв: «рукав Тейри»), приток реки Худес — «Тейри къул тюбю», там же — «Тейрикъул къышлыгъы» (Зимовник Тейрикул). Аналогичного рода словосочетание с именем Тейри зафиксирован в горах Осетии — «Тенгирцау» (Небесная гора).<sup>54</sup>

В старинных народных песнях и в современном быту часто встречаются имена «Тейрикъул» (раб Тейри), «Тейри къыз» (дочь Тейри).

«...Окъ тийгенди джарлы Алини бутуна,  
Башчы къызы менден ичли къалгъанды,  
Ол джаш табмай, къыз табса,  
Итле чачсынла атам Тейрикулу  
Толу джуртуна...

Пуля сразила бедного Алиа,  
Дочь Башчы осталась в положении,  
Если родит она дочь, а не сына  
Отца Тейрикула полное хозяйство  
Да испоганят дворовые собаки.

Заметим также, что народная этимология возводит фамилию Тейриболатовых к словосочетанию «Тейриболады» (Клянись, сбудется).

И, наконец, к числу древних обрядовых фразеологизмов относится оборот с именем Тейри: «Да пошлет вам Тейри много овец» (Тейри кѣб берсин!), связанный с хозяйственной

практикой горца — пастуха. Как показывают полевые записи, овцеводы практиковали обычай коллективной стрижки овец. При завершении стрижки стригали хором произносили: «Да подадут нам овец!» Вместо ожидаемого ответа, что овец, предназначенных к стрижке, больше нет, другая часть работников отвечала: «Да пошлет вам Тейри много овец!» Чтобы ублажить божество Тейри скотоводы всячески избегали выражения «Нет больше в стаде овец». Из табуистических соображений полагалось произнести формулу «Тейриге табула болсун!» (Табу Тейри!).

Итак, систематизация материалов, связанных с почитанием Тенгри (Тейри) в Карачае и Балкарии, позволяет сделать некоторые выводы общего характера.

1. Реликтовые данные о почитании древнетюркского верховного божества среди карачаевцев и балкарцев лишний раз подтверждают древнетюркскую основу этих народов. Карачаевцы и балкарцы не заимствовали, а унаследовали тюркскую мифологию в ее древнетюркской этнокультурной среде.

2. Для нас остаются резонным указания Г. Ф. Чурсина и Л. И. Лаврова, что культ Тейри «не имеет существенных аналогий в религиозных верованиях других народов Кавказа»<sup>55</sup>, т. к. нами выявлены лишь фрагментарные сведения о бытовании Тенгри у ногайцев, кумыков и азербайджанцев<sup>56</sup>.

У карачаевцев и балкарцев слово «Тейри» употребляется в значениях «неба» и «божества». Рудименты древнетюркского верховного божества прослеживаются во всех жанрах фольклорного наследия карачаевцев и балкарцев: это гимн-молитва охотников, заклинания и клятвенные формулы скотоводов и земледельцев, проклятия и здравницы мужчины и женщины, табу, поговорки, пословицы и загалки, космогонические и топонимические словосочетания — весь комплекс хозяйственно-культурного мира человека.

3. Соотношение приводимого нами материала о языческом божестве Тейри к определенному протокарачаево-балкарскому пласту всецело зависит от дальнейшего комплексного изучения различных видов источников и окончательного решения проблемы этногенеза карачаево-балкарского народа.

В свою очередь, дальнейшее изучение «Тейри» — тенгрианской религии — в Карачае и Балкарии даст больше новых материалов для детализации этого сложного вопроса.

## ПРИМЕЧАНИЕ

<sup>1</sup> О происхождении балкарцев и карачаевцев (в дальнейшем—МНС). Нальчик, 1960.

<sup>2</sup> Л. И. Лавров. Из поездки в Балкарию. СЭ, II, 1939, с. 176—181; его же. Эпиграфические памятники Северного Кавказа XVIII—XIX вв., ч. II, М., 1968, с. 127—133; его же. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. КЭС. М., 1969, вып. IV, с. 106—107.

<sup>3</sup> Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIV вв. Нальчик, 1974, с. 245.

<sup>4</sup> Журнал «Советская тюркология», 1974, № 1, с. 59.

<sup>5</sup> В. В. Радлов. Опыт словаря древнетюркских наречий, т. 3, ч. 1. СПб., 1905, с. 832, 1043, 1044, 1048.

<sup>6</sup> Ф. Симокатте. История. М., 1957, с. 161; М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, с. 188, 187.

<sup>7</sup> В. В. Радлов. Опыт словаря древнетюркских наречий, т. 3, ч. 1. СПб., 1905, с. 832, 1043, 1044, 1047, 1048; «Тюркологический сборник». М., 1971, т. I, с. 214; Х.-М. И. Хаджилаев. Очерки по лексикологии карачаево-балкарского языка. Черкесск, 1971, с. 62; Л. П. Потапов. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969, с. 7, 149, 189—190; С. М. Абрамзон. Киргизы. Л., 1969, с. 290—293.

<sup>8</sup> М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, с. 187.

<sup>9</sup> История агван Моисея Каганкатваци. СПб., 1861, с. 88.

<sup>10</sup> История агван Моисея Каганкатваци. СПб., 1861, с. 193, 200; М. Г. Магомедов. К вопросу о «веротерпимости» хазарского каганата. Х Крупновские чтения. М., 1980, с. 47; Л. Б. Гмыря. Языческие культы у гунов Северо-Восточного Кавказа. Там же, с. 42—44.

<sup>11</sup> Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967, 78.

<sup>12</sup> Прокопий из Кесарий. Война с готами. М., 1950, с. 407; Агафист. О царствовании Юстиниана. М.-Л., 1953, с. 163—164.

<sup>14</sup> Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., «Наука», 1971, с. 169; Н. В. Денисов. Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. Чебоксары, 1969, с. 15.

<sup>15</sup> Б. Е. Кумеков. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972, с. 109—110; Документы на половецком языке XVI в. М., 1967, ч. III, с. 140.

<sup>16</sup> В. П. Дьяконова. Культ природы у тувишцев. — «Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР», 1972—1973. Л., 1974, с. 172.

<sup>17</sup> Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967, с. 78; И. В. Стеблева. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы. — «Тюркологический сборник», 1971. М., 1972, с. 215.

<sup>18</sup> Ц. Д. Номханов. Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М., 1975, с. 40.

<sup>19</sup> Каранмеско-русско-польский словарь. М., 1974, с. 511.

<sup>20</sup> Веселин Бешевлиев. Вярата на първобългарите. София, 1939, с. 34.

<sup>21</sup> Геза Фехер. Культурата на брабългарите. София, 1929, с. 46.

<sup>22</sup> С. А. Плетнева. «Исчезнувшие народы». Хазары. — «Природа», 1980, № 1, с. 68; ее же. От кочевий к городам. М., 1967, с. 178.

<sup>23</sup> В данном случае имеется в виду государственное образование у гунов на территории нынешнего Дагестана.

<sup>24</sup> Н. С. Иваненков. Карачаевцы. — «ИОЛКО». Екатеринодар, вып. V, 1912, с. 53.

<sup>25</sup> Г. Ф. Чурсин. Ближайшие задачи этнографического изучения кавказских тюрков. I Всесоюзный тюркологический съезд (стенографический отчет). Баку, 1926, с. 73.

<sup>26</sup> Л. И. Лавров. Из поездки в Балкарию, с. 177—181; его же. Происхождение балкарцев и карачаевцев. — «Краткие сообщения института этнографии». М., 1959, вып. 32, с. 5—6; его же. Этнографические памятники Северного Кавказа, ч. II, с. 130.

<sup>27</sup> Л. И. Лавров. О некоторых этнографических данных по вопросу происхождения балкарцев и карачаевцев. — «О происхождении балкарцев и карачаевцев» (МНС), с. 64—65; его же. Этнографические памятники Северного Кавказа, ч. II, с. 130; его же. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в., с. 70—71, 108; Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957, с. 19—20; Я. А. Федоров. Половецкое наследие в Приэльбрусье. — «Кавказ и Восточная Европа в древности». М., 1973, с. 223; Я. А. Федоров, Г. С. Федоров. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978, с. 272; Карачаевцы. Черкесск, 1978, с. 273.

<sup>28</sup> Ф. А. Урусбиева. Карачаево-балкарский фольклор. Черкесск, 1979, с. 10.

<sup>29</sup> И. В. Стеблова. К реконструкции древне-тюркской религиозно-мифологической системы. — «Тюркологический сборник», 1971. М., 1972, с. 214; Здесь же см. отечественную и зарубежную литературу по тюркологической религии. Указ. соч., с. 213—215. См. также С. М. Абрамзон. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971, с. 290—293.

<sup>30</sup> Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик, 1974, с. 245; Х. О. Лайпанов. К истории, с. 20; Л. И. Лавров. Карачай и Балкария, с. 71, др. работы; А. И. Караева. О фольклорном наследии карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1961, с. 27; А. З. Холаев. Карачаево-балкарский нартский эпос. Нальчик, 1974, с. 68; Ф. А. Урусбиева. Карачаево-балкарский фольклор, с. 11.

<sup>31</sup> Ф. А. Урусбиева. Карачаево-балкарский фольклор, с. 11

<sup>32</sup> Ф. А. Урусбиева. Карачаево-балкарский фольклор, с. 11

<sup>33</sup> А. И. Караева. О фольклорном наследии карачаево-балкарского народа, с. 27; ее же. «Фольклор», в книге «Карачаевцы». Черкесск, 1978, с. 315; А. З. Холаев. Карачаево-балкарский нартский эпос, с. 69; Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев, с. 21.

<sup>34</sup> Старинные карачаевские песни. Микоян-Шахар, 1940, с. 78—79; Антология карачаевской поэзии. Ставрополь, 1965, с. 33—34.

<sup>35</sup> Х. О. Лайпанов находит, что культ тейри занесен в Карачай и Балкарию половцами (кипчаками) и приводит свой вариант молитвенной речи, который был записан им в конце 30-х годов нашего столетия:

«тейри пусть благословит,  
тейри пусть от несчастья избавит,  
тейри пусть счастье нам дарует,  
тейри пусть даст нам дорогу счастливую,  
кто произнесет имя тейри, пусть скажет амин».

См. его раб. «К вопросу о происхождении карачаевцев и балкарцев».

<sup>36</sup> А. И. Караева. О фольклорном наследии..., с. 27; А. З. Холаев. Карачаево-балкарский..., с. 69; Очерки истории балкарского народа. Нальчик, 1961, с. 177; Р. Ортабаева. Карачаево-балкарские народные пес-

ни. Черкесск, 1977, с. 34—36, 38; Къарачай халкъ джырла. М., 1969, с. 51—56.

<sup>37</sup> А. Тепсеев. Рум тауу, — Газ. «Коммунизмге жол», 1979, 11 января.

<sup>38</sup> А. И. Холаев. Карачаево-балкарский..., с. 69.

<sup>39</sup> А. И. Караева. О фольклорном наследии..., с. 25; Къарачай халкъ джырла. М., 1969, с. 55.

<sup>40</sup> Неполный текст этого заговора впервые публикует Ф. А. Урусбиева. Указ. соч., с. 12.

<sup>41</sup> Х. И. Суюнчев. Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели. Черкесск, 1977, с. 48.

<sup>42</sup> Х. Аппаев. Черный сундук. Черкесск, 1960, с. 254 (на карач. яз.).

<sup>43</sup> К. Коркмазов. Нож горда. Черкесск, 1970, с. 76, 163 (на карач. языке).

<sup>44</sup> Х. Байрамукова. Чолпан. Черкесск, 1970, с. 212.

<sup>45</sup> А. Семенов. Руки матери. Черкесск, 1964, с. 68 (на карач. яз.).

<sup>46</sup> Ф. А. Урусбиева. Карачаево-балкарский фольклор, с. 18, 21; Л. И. Лавров. Из поездки в Балкарию, с. 17; Историко-этимологический словарь осетинского языка. М., 1973, т. 2, с. 67.

<sup>47</sup> Х. Крупновские чтения. М., 1980, с. 44, 47.

<sup>48</sup> И. М. Шаманов. Народный календарь карачаевцев. СЭ, 1971, № 5; то же. В ст. «Из истории Карачаево-Черкесии», вып. VII. Черкесск, 1974, с. 318.

<sup>49</sup> Г. Ф. Чурсин. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957, с. 156.

<sup>50</sup> Г. Ф. Чурсин. Обычай и предрассудки карачаевцев (отношение к женщине). — «Кавказ», 1903, № 24.

<sup>51</sup> А. И. Холаев. Карачаево-балкарский нартский эпос, с. 69.

<sup>52</sup> Малкъар нарт сёзле. Нальчик, 1965, с. 189.

<sup>53</sup> Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев, с. 35. Антология карачаевской поэзии, с. 43—45.

<sup>54</sup> А. Д. Цагаева. Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе, 1971, с. 151.

<sup>55</sup> Г. Ф. Чурсин. Ближайшие задачи этнографического изучения..., с. 72—73; Л. И. Лавров. Эпиграфические памятники Северного Кавказа XVIII—XIX вв., ч. II. М., 1968, с. 130.

<sup>56</sup> А. Сикалнев. Если спросите, спую (на ногоайском языке). Черкесск, 1971, с. 92. В. М. Жирмунский. Тюркский героический эпос, л., 1974, с. 269, 270, 274, 294.